

—Обратно мы летели **28 января**, и из окна самолёта я увидел, что Куршский залив стоит. А, выйдя из аэропортовского автобуса у Музея янтаря, я направился не к дому, а за Музей на озеро разведать ледовую обстановку. Выяснилось: лёд около 10 сантиметров. Вовсю ловят густёру.

—До 13-го января температуры воздуха были плюсовые, потом заминусело, но не сильно, и вот, кажется, можно открывать сезон зимней рыбалки. Здесь, на озере, во всяком случае, его уже открыли.

—На залив же (Куршский) я выбрался в первый раз лишь **6 февраля**. Ездил один в Каширское. Температура воздуха плюс 4 - плюс 6 градусов, опять всё таяло, но народу на заливе было много, лёд сантиметров пятнадцать толщиной, нормальный.

—Рыбачил я недолго - поехал автобусом 9:42, а вернулся на 16:33. Поймал 2 плотвы, 2 окушка, 2 ерша и 2 корюшки. Ловил в 40 минутах ходьбы от берега по направлению к Лесному. У остальных в окрестностях тоже хреново, а вот у берега (в 20 минутах ходьбы) хорошо брала мелкая плотва на мотыля, не говоря уже об окушках и ершах.

—И снова сплошная оттепель, весь февраль температура плюсовая, только **20-го** мороз под утро достиг минус 8 градусов, и мой второй выезд состоялся **25 февраля** - через три почти недели после первого (температура воздуха минус 2 градуса, давление 743-744 мм, ясно, ветер юго-восточный, умеренный).

—Ездили со Смертиным в Рыбачий (по своим командировочным-пропускам) в расчёте на корюшку. Слух был, что она там ещё до ледостава хорошо ловилась. Но расчёты не оправдались. На льду вообще никого не было в этом районе. Вдоль берега, на расстоянии метров в двести от него тянулась трещина, которую мы долго пытались сначала обойти, потом перебрались через неё и пробовали ловить в двух местах. Корюшкой и не пахло. Зато ёрш бушевал вовсю.

—На втором месте, подальше от берега за трещиной я привадил-таки хлебом плотву и поймал 10 штук (средних), одного подлещика и одного приличного окушка. Смертин же тягал, тягал ершей, ни одной плотвы, но перед самым уходом вытянул полноценного леща на огрызок червя.

—Возвращаясь электричкой из Зеленоградска, мы узнали, что практически по всему Куршскому заливу (но лучше всего в районе Киевской) ловят леща больше, чем плотву (по 3-6 штук, на червя и мотыля).

—**28 февраля** ездили со Смертиным в Лесное. Ноль градусов, давление 738-722, метель, ветер южный, умеренный. При проверке документов у шлагбаума на въезде на косу сержант-пограничник сделал нам внушение, что по командировочным удостоверениям в выходные дни на косу не положено ездить. Есть специальное распоряжение облисполкома: по командировочным, начиная с 12 часов пятницы на косу не пускать. Ладно, хрен с ним, будем ездить на рыбалку в будни.

—В Лесном довольно много народу рыбачило, но у всех с утра только ерши попадались, и мы с Володей потопали к тому берегу, аж к Киевской, где чернела огромная толпа рыбаков. Уселись, как увидели первых пойманных лещей. Володя поймал двух подлещиков и одну крупную плотву. У меня - ноль. Соседи же наши поймали по одному - три леща, а накануне, говорят, хорошо брал (до 17 штук - в Лесном слышали).

—Ну, это всегда так. Вчера брал, а как мы приехали, перестал. Справедливости ради следует заметить, что давление в наш выезд весь день падало и упало аж на 16 мм. По теории рыба вообще не должна клевать при этом.

31 мая 1988 г., кирха

Подошёл март. Официальная зима кончилась, а на Калининградском заливе настоящего ледостава так и не было. Второй раз на моей памяти, первый - году в 1971-м, кажется. Правда, ледком в этот раз всё же затягивало, и Хорюков однажды даже

пробежался по нему чуть ли не к маяку, но это был именно что ледок, толщиной не более пяти сантиметров, с промоинами, только отдельные ухари отваживались далеко ходить по нему, а как подул ветерок посильнее, и того не стало.

— На Куршском же заливе лёд всё ещё держался, сантиметров 15, а местами и больше толщиной. Днём температура поднималась выше нуля, но ночью подмораживало, ветров сильных не было, и рыбалка, главным образом, лещёвая продолжалась. Я же к ней так и не сумел приспособиться, хотя пробовал разные варианты и снастей, и насадки, и места ловли. Знать, не очень-то хотелось леща поймать. В самом деле - одни кости, то ли дело - судак, или ещё лучше - корюшка.

— За корюшкой нам со Смертиным таки удалось один разок съездить - **3 марта**. Профком обсерватории организовал выезд желающих в Клайпеду на автобусе от Калининградского экскурсионного бюро - как бы на экскурсию, на самом деле же за продуктами к 8-му марта.

— Записались и мы со Смертиным в расчёте вылезти в Ниде, чтобы порыбачить там корюшку и вернуться обратно с этим же автобусом. Про клёв корюшки в Ниде ходили фантастические, но многочисленные и из разных источников слухи, что ловят там сотнями буквально рядом с берегом и выносят мешками.

— Правда, нас уверяли ещё и в том, что из экскурсионного автобуса в Ниде не выпускают, шоферам и экскурсоводам пограничники строго запрещают выпускать пассажиров. Но мы понадеялись на свои командировочные удостоверения - нам-то пограничники не страшны, имеем право!

— Желающих поехать в Клайпеду набралось полный автобус, а на рыбалку в Ниду - только мы со Смертиным. У шлагбаума пограничники - всё тот же сержант! - проверили паспорта в соответствии со списком экскурсовода и высадили Ваню Каратеева, у которого не оказалось последней фотографии в паспорте (после 45-ти лет которую положено клеивать). Ваня безропотно вылез и пошёл пешком в Зеленоградск.

— Экскурсоводом у нас оказалась какая-то жутко крикливая баба, которая всю дорогу веселила нас легендами про Куршскую косу, исполнявшимися в странной вульгарно-мифологической манере с разбитными намёками на современные проблемы секса, быта и политики. Уговаривать её выпустить нас в Ниде, а на обратном пути забрать, нам не пришлось - ничего предосудительного в этом она не нашла к нашей великой радости.

— Нида, окрестные дюны и леса утопали в снегу, выпавшем прошлой ночью, а теперь сверкавшем чистой белизной на ослепительном мартовском солнце. Всю зиму снега не было, а тут - пожалуйста. Погода как по заказу. Уже и без рыбалки хорошо, красота - снег, сосны, солнце, небо без единого облачка, небольшой минус с утра. Народу на заливе немного, но есть. Правда, не толпой, как бывает при бешеном клёве, а вразброс по всему заливу - и совсем рядом с берегом, и где-то очень далеко.

— Мы начали обход рыбаков и быстро выяснили, что корюшка отошла (ну, естественно, - раз мы приехали!), по-настоящему ловить её надо идти на глубину, к трещине, не меньше часа ходьбы от берега, там и налим, и корюшка по-чёрному ловятся. А здесь тоже поклёвывает, но хило - по десятку-полтора у людей с утра поймано, у некоторых, впрочем, и поболее.

— В нашем распоряжении на всю рыбалку было только три часа, так что идти на глубину смысла не было, и мы решили удовлетвориться тем, что есть. С полчаса ещё побродили от одних рыбаков к другим, выбирая, где лучше клюёт, и, наконец, уселись.

— Мы были без ледобуров и пешней, чтобы пограничников не возмущать, в расчёте на обилие незамёрзших старых лунок (плюсы накануне были и ночами) или на то, что попросим у кого-нибудь. Лунки старых, однако, мы вовсе не видели - замёрзли и снегом занесло, и ледобуры не у всех есть, пришлось долбиться какой-то паршивой пешней.

— Смертин ругался, что послушался меня и не взял ледобур (хотя тогда и не возражал вовсе), и ныл, что вообще уже давно пора сидеть и ловить, а не бродить по заливу, в общем, был в своём репертуаре, но, поймав несколько корюшек, успокоился. Корюшка

клевала, как с ней часто бывает, налётами, и не с самого дна, а повыше, сантиметров с двадцати ото дна.

— Пока нашупали, где она ходит, ещё с час потеряли, а за оставшееся время я поймал штук тридцать, а Володя около сорока, да ещё налима небольшого выдернул. Улов, конечно, небогатый, но удовольствие всё же получили. Я у лунок без полущубка сидел, разогрелся, пока лунки долбил, и не замерзал потом на солнце весеннем, тем более, что ветра не было абсолютно.

— На обратном пути с залива к шоссе мы зашли в магазин и отоварились колбасой и сыром, компенсировав тем самым недолов. Загодя явились в условленное место на шоссе и позагорали на скамеечке с полчаса, пока не появился наш автобус.

— На выезде с косы опять проверка документов. Всё тот же сержант долго изучал мой паспорт, вертел его и так, и сяк, а потом спросил:

— Вы куда ездили?

— В Клайпеду, - бодро соврал я на всякий случай.

— Сержант помолчал немного, а потом заявил:

— Вы лапшу на уши мне не вешайте. В Ниде рыбачили. В следующий раз накажем Вас и экскурсовода.

— Дискутировать с ним я не стал. Вид мой - в рыбацких ватных штанах, драном полущубке, запах корюшки из рюкзака - не оставлял никаких сомнений в том, где я был. Смертин выглядел поприличнее, сидя в кресле, по крайней мере, да и фамилия моя, возможно, примелькалась уже сержанту: ведь совсем недавно он мне внушение делал насчёт проезда на косу в выходные.

— А на льду в Ниде калининградские мужики рассказывали, что пограничники проверяли рейсовый клайпедский автобус ещё и на границе с Литвой, перед Нидой и грозились высадить и отправить обратно в Калининград рыбаков, ехавших с билетами до Клайпеды, но собиравшихся выйти в Ниде. Озверели совсем, делать им не хрена.

— Всякое желание, в самом деле, пропадёт на косу ездить, хоть и с командировочными удостоверениями. Доказывай потом, что ты в самом деле геофизические изыскания на местности проводил. Проверял толщину льда на предмет возможности установки магнитометра, например. Проще ездить в Зеленоградск на электричке, а оттуда пешком по заливу, куда хочешь.

— В следующий раз, в субботу **6 марта** мы так и поступили - ходили от Зеленоградска аж под Киевское: Смертин, Серёжа Лебле, Кшевецкий и я. Около двух часов шли от вокзала, 45 минут до берега (к устью канала), остальное по заливу.

— *1 июня 1988 г., кирха*

— По дороге Серёжа, с которым мы чуть ли не с самого Нового года не виделись, рассказывал мне (мы с ним отстали от Смертина и Кшевецкого, мчавшихся с нетерпением молодых жеребцов) про свадьбу Жанны, которую они буквально накануне выдали замуж за матроса, самого обыкновенного рыбака, без какого-либо образования, но привлекательной наружности и без вредных привычек - не пьёт, не курит.

— Свадьба была уже по надобности - ожидался ребёночек. Во всём этом скоротечном исходе большую роль сыграла, по-моему, паническая боязнь всего семейства Лебле, что Жанна в старых девах останется. А тут ещё к свадьбе сюрприз: предыдущий ухажёр, тоже матрос, с моря явился и к Жанне домой, а там свадьба! Люде этот предыдущий больше нравился, и она у него на плече рыдала, а Жанна к нему не вышла. Письмо ему заготовила, но оно куда-то затерялось, его долго искали, вот тем временем Люда и рыдала на плече у отвергнутого матроса.

— *(Словно чуя горестную судьбу свою и дочери: с Серёжей они разведутся, а Жанна, родив один за другим троих детей, похоронит молодого мужа, умершего после мучительного ракового заболевания, и всё это в суровые времена "рыночных реформ". - прим. 10 сентября 1998 г.)*

— Я расспрашивал Серёжу, где он пропадает. Точнее, я знал, что он пропадает, главным образом, в Ленинграде, но что он там делает? Неужели с документами по защите всё ещё не разделался, так уже 4 месяца прошло. Серёжа сказал, что он там работает со своим оппонентом, которому ещё до защиты обещал решить одну задачу своим методом.

— Люда же уверяла Сашулю, что "он там бабу завёл" - учёного секретаря или просто секретаря совета, в котором защищался, жену какого-то его ещё университетского знакомого, а с ней не спит, отворачивается. Я Серёжу на этот счёт не расспрашивал, и он мне ничего не говорил, но состояние его общее мне по-прежнему не нравилось - подавленное какое-то, вид замотанный, мешки под глазами. И странно, что меня, похоже, избегает, на рыбалку вот в первый раз выбрался, когда зима уже кончилась.

— Люда и мне свои подозрения высказывала, когда я ходил к ней править корректуру нашей зарубежной статьи (для PAGEDPHa).

— Да он просто замотался, не отошёл ещё от диссертации, депрессия, у меня это тоже было, - утешал я её. - Не приставай к нему с ревностью, это его только оттолкнёт. Да и сама успокойся, к психиатру сходи, заиклилась, наверное, на ревности. Ты же его ещё год назад к молодой новой сотруднице ихней кафедры ревновала. Элениум, реланиум потребляй.

— Да я потребляю. Только дело швах. Семья рушится. Седина в голову, а бес в ребро.

— Но вернёмся к рыбалкам. В тот раз мы прекрасно посидели на солнышке в окружении прорвы народу, потягали ершей и мелких окушков, а лещей - двух - поймал только упорный Смертин.

— На следующий день, **7 марта** мы с Митей прокатились после обеда на мотоцикле в Каширское. Ловили в сорока минутах ходьбы от берега с полчетвёртого до полшестого на лунках, с которых уходил мужик, поймавший там двух лещей. Митя поймал приличную плотву, одолевали ерши и окушки, но вот, наконец, очередная поклёвка вроде ершиной, и я чувствую солидный натяг лесы.

— Митя! - кричу, - иди, смотри, леща ташу.

— Митя склонился над моей лункой, я медленно перебирал лесу, гася рывки рыбины. И вот она показалась, только что-то непонятное, пятнистое, да это же налиим! Здоровенный, килограмма под два. И лунка у меня здоровая, прорубь целая, налиим в ней кольцом крутится, не могу даже голову его над водой поднять, боюсь - поводок порвётся, 0.15 мм, на плотвиную удочку взял, на огрызок червя. И схватить его в воде боюсь - скользкий, жду, когда утихомирится.

— И дождался: крючок сломался, малюсенький крючочек, 3-й номер. Сунул я, конечно, тут же руку в воду, да куда там - налима как не бывало. Ладно. Хоть развлечение было. А больше ничего не поймали. Митя стал мёрзнуть, и мы отправились домой.

— *15 июня 1988 г., кирха*

— Казалось, на этом сезон и закончился, март как никак, а лёд и без того тонкий. Тем не менее он держался (на Куршском заливе, а на Калининградском уже всю гуляли волны по чистой воде, так и не было на нём нормального льда в этом году), а в двадцатых числах опять стало подмораживать, и **20-го** мы с Серёжей ездили на мотоцикле в Каширское (температура воздуха минус 4 - плюс 2 - минус 1 градус, давление 749-747 мм, ясно, ветер южный, слабый до умеренного).

— Я поймал на мотыля одного квазилеща, то есть крупного подлещика, почти леща, но настоящим лещом он стал бы лишь на следующий год. А Серёжа - ничего. Но он и ловил как-то вяло, апатично, скорее просто загорал на солнышке.

— И последний мой выезд на лёд состоялся **26 марта**. Поехал в Зеленоградск, один, электричкой 14:08 в расчёте на вечернюю зорю. Ловил с 17:00 до 20:10, поймал одного подлещика, пять плотвин, несколько окушков и ершей.

— Возвращался впотьмах, в одиночку, вся толпа прошла передо мной раньше минут за 20. Лёд был уже совсем плох, верхний слой местами ещё был покрыт коркой, местами

превратился уже в кашу, ноги часто проваливались сквозь неё до нижнего, старого льда, но сквозных промоин ещё не было. Удивило меня то, что мне попадались рыбаки (и не один, и даже пацаны!), идущие навстречу, то есть с берега на лёд, на ночную, значит, рыбалку. Вот это энтузиасты!

— Знать, лещ хорошо берёт ночью, иначе бы не шли. А те, кто днём ловили, - я обошёл несколько групп рыбаков, выбирая себе место, - натаскали, в основном, мелкой и средней плотвы, да по одному-два леща. Но вот Смертин, как оказалось, тоже ловил в этот день и недалеко от меня, и поймал семь (!) лещей. Двух утром, одного днём и четырёх - одного за одним - в начале шестого вечера, буквально минут за пятнадцать вытащил, и ушёл, боясь рыбнадзора, а то бы ещё мог поймать.

— В общем у него закрытие сезона удалось на славу, да и до того он всё же нескольких лещей вытащил, и Лёнька Захаров один раз ездил и трёх поймал, а я вот так и не сумел ни одного отловить.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)